

Василий Аксенов проголосовал за Ельцина и Клинтона

Комс. правда.
1997. - 6 февр.

Потому что гражданство у него двойное. А вот место жительства одно - Вашингтон

Он безраздельно владеет третьим этажом свежего кирпичного домика на улице, хранящей следы новостройки. Здесь его кабинет - стол, старенький «Макинтош», заслуженного вида факс. До центра Вашингтона полчаса быстрой езды на автомобиле. Василий Аксенов - на своем рабочем месте.

- Знают ли в Америке писателя Аксенова?

- Ну... в определенной мере - да, - Василий Павлович с явной осторожностью подбирает характеристики своей величины в местных литературных масштабах. - Здесь издали примерно 12-15 книг, самый большой тираж был у романа «Ожог» - около 30 тысяч. Сейчас в местных магазинах продают «Московскую сагу». Я захожу в магазины, интересуюсь. Понемногу раскупаю...

- А вы не пробовали писать по-английски?

- Представьте - да. Статьи, эссе и даже маленький сатирический роман. Но это эксперимент, своего рода мистификация. Я, разумеется, не собираюсь изменять русскому в серьезной литературе.

Многие эмигранты на чужбине обзаводятся второй, более хлебной в местных условиях профессией. Аксенов не стал исключением. Завсегдатай богемных тусовок времен оттепели превратился в маститого профессора столичного университета «Джордж Мейсон», где читает лекции по русскому сюрреализму и модернизму. Работа в университете помимо прочего нравится еще и тем, что тут у него огромные каникулы. «Иначе я бы устроился в дворники или нашел бы еще какую-нибудь халтуру, чтобы иметь возможность писать», - уверяет Василий Павлович. - Хотя, конечно, - добавляет он, - тут мне хорошо платят. Больше даже, чем сборщикам мусора».

Симптомы американизации профессора Аксенова заметны с утра, когда он и его пес по кличке Пушкин вместе бегают в соседнем лесу. Более того, после этого он берет мяч и в одиночестве отрабатывает броски по баскетбольному кольцу. Точность попаданий с середины площадки приближается к 20 процен-

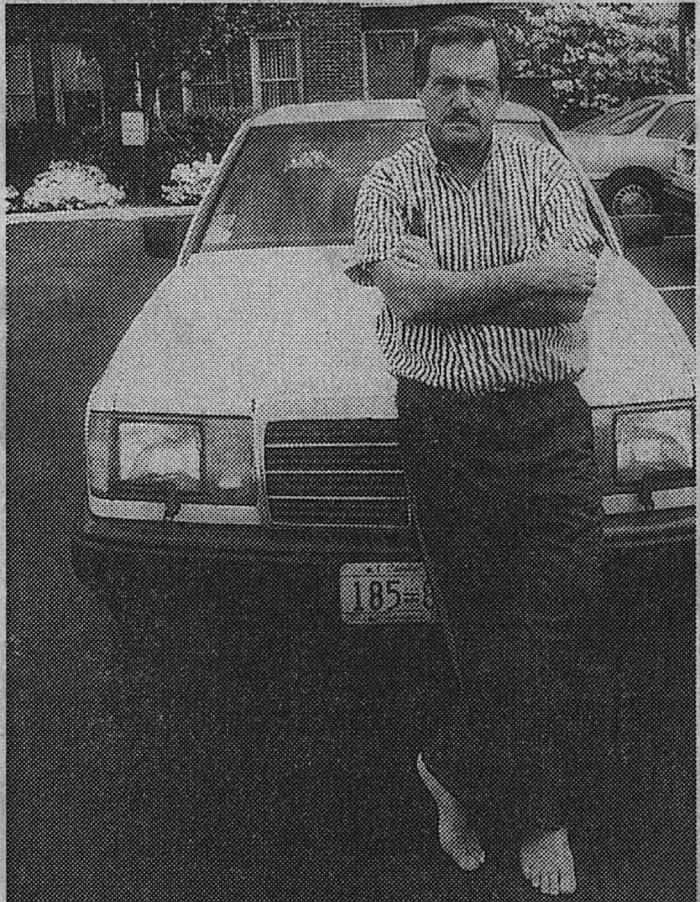


Фото из журнала «Столица».

Босиком в Америке... До чего же приятно.

там. Аксенов уверяет, что в свои 64 года играет в баскетбол лучше, чем умел это делать в молодости. «Наверное, скоро меня пригласят в НБА», - пророчествует он и уточняет, - в лигу древних».

Затем писателя ждет стол. Университет отнимает минимум два дня в неделю. Остальное время Аксенов работает. Давно освоив компьютер и даже обзаведвшись электронной почтой, он по-прежнему пишет свои книжки от руки. В лучшие времена - до шести страниц ежедневно. Потом садится за клавиатуру и переносит написанное на дисплей, попутно выправляя текст. И еще раз правит его - уже в компьютере. За день до нашей встречи он завязал тесемки на папке с 600-страничной рукописью своего нового романа.

- Заглавие у него - «Новый

сладостный стиль». Была такая поэтическая школа XIII века в Италии. К ней принадлежал и Данте. Но роман, конечно, о наших днях, в основном об Америке, хотя там есть большая русская глава. Его главный герой - как бы отражение Высоцкого. Тоже поэт, тоже бард. Он оказывается в Америке в начале 80-х.

- Высоцкий - эмигрант?

- Он бесконечно много думал об эмиграции в свои последние годы, потому что ощущал тупик в личной судьбе. И не разсоветовался со мной по этому поводу. Но в романе, конечно, самостоятельный персонаж, просто многим похожий на Высоцкого. Там есть стихотворные интермеди, ритмические фразы. Я сочинял их буквально на бегу, в университете и даже автомобиле, тут же наговаривая на диктофон, который всегда ношу с со-

бой в кармане.

Василий Аксенов удивил своих поклонников в России, предприняв одним из первых попытку литературно описать из Америки феномен «новых русских». Несколько рассказов о них напечатаны в «Знамени».

- Когда все вдруг открылось, я стал приезжать в Россию, влезать в нее все больше и больше, то обнаружил колоссальные изменения, случившиеся за десятилетие: новые фигуры речи, иные выражения лиц, походки, типы. Мне захотелось немедленно все это отразить.

- У вас был личный опыт общения с «новыми русскими»?

- Ну, конечно, случалось. Они очень разные. Не все такого типа, который путешествует сейчас по бесконечным анекдотам. Эти - мутноглазые, с широчеными спинами и торчащими железными ушками. Но есть совсем другие. Не так давно сидим в нью-йоркском ресторане. Подходит хозяин и говорит: тут по соседству с вами стол заказали «новые русские», 19 человек. Так что уж если будут эксцессы - вы заранее извините. Пришли вместо этих, с железными ушками, замечательные, интеллектуального вида молодые ребята. Я подумал: ну, может быть, они и не читают ни черта художественную литературу, но, наверное, в компьютерах здорово разбираются. Какое-то новое племя. Они мне напомнили физиков 60-х.

Кто мог заподозрить диссидентствующего эстета Аксенова в верноподданнических настроениях? Множество критиков коммунистического прошлого столы же яро носят нынешний режим, ибо, как выяснилось, могут существовать только в этом жанре. Гражданин США Аксенов прошлым ноябрем голосовал за лично симпатичного ему президента Клинтона. А минувшим летом российский гражданин Аксенов отдал свой голос за Бориса Николаевича. Не просто опустил бюллетень в урну, а несколько недель агитировал за Ельцина на Волге. Почекуя?

- Меня никто об этом не просил, не ангажировал. Не такой уж я поклонник Ельцина, хотя он трижды спасал нас от коммунистического реванша. Просто

я не мог упустить случая, чтобы, перефразируя Маяковского, не «уесть коммуниста». Ведь не прошла та дебольшевизация, что подразумевалась после 1991 года. Идет перекраска из секретаря обкома в мэры и губернаторы. В Самаре появились новые люди, а в Казани - все тот же обком. Когда распалась одна гигантская мафия, из нее образовались тысячи других мафий, в которых мы находим отголоски все тех же структур, которые давали страну. Интеллигенция по-прежнему вызывает недоверие и отшиваются. На храпистое, циничное, жадное мужичье прет и захватывает позиции.

- Чем же тогда нынешняя власть заслуживает доверие?

- Страна при ней больше не мертва. Прошлым летом мне пришлось проехать из Самары до Астрахани, потом обратно до Москвы. Несколько недель тому назад опять вернулся из тех краев. Впечатление совсем не то, что может возникнуть после чтения газет. Я - старый волжанин. И никогда не видел России такой сырой, как сейчас. Никогда не представлял, что в этих сонных, унылых, обнищавших городах, главным достоянием которых были изваяния вождей, может быть столько жизни. Полные магазины, подвижная торговая толпа.

- Неужели всеобщая барахолка может вдохновлять?

- А я и не говорю, что толпа приятная. В чем-то жуликоватая и даже вороватая, но активная толпа. И в Самаре, и Нижнем, и Саратове или Волгограде, где раньше властвовало унылое, мизерное царство, идет интенсивная жизнь. Разумеется, масса огрохов, всяких глупостей и гадостей. Мне кажется, это еще не новая жизнь, а разложение той, старой. Но тем не менее я чувствую, что это уже не то законсервированное в идеологическом азиатском обществе. Оно вот-вот станет раскручиваться с большой силой.

- Возможно, не все ваши российские поклонники с этим соглашаются.

- А вы знаете, я вам скажу - из-за границы-то многое виднее.

Андрей КАБАННИКОВ.
(Наш соб. корр.).
Вашингтон.